

АТТРАКЦИОН ЧУВСТВА

Светлана Милкович
Аттракцион чувств

«Автор»

2026

Милкович С.

Аттракцион чувств / С. Милкович — «Автор», 2026

Вернувшись домой на летние каникулы к побережью Санта-Моники, Пози вряд ли представляла, что подработка в «Пасифик парк» в качестве продавца мороженого кардинально изменит её привычные будни. Например, сведет с бывшей звездой школы Нейтом, которого шериф обяжет отработать наказание и стать по воли случая напарником Пози до конца лета. С самого первого дня их отношения оборачивается войной. Нейт изводит Пози, считая её легкой мишенью. Он уверен: победа у него в кармане. Но Пози не намерена уступать. Вихрь эмоций, тайны прошлого, потеря и приобретение – противостояние постепенно превращается в искренние чувства, а сердце подсказывает, что за маской неприязни скрывается гораздо больше. Смогут ли они преодолеть свои страхи и открыть друг другу сердце под жарким солнцем Калифорнии?

© Милкович С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Гребанные ключи	5
Глава 2. Непрошенные разговоры и грязное белье	15
Глава 3. Синяки и пари	22

Светлана Милкович

Аттракцион чувств

Глава 1. Гребанные ключи

Я смахиваю со лба пот. Фургон для мороженого за несколько часов успел нагреться, как жестяная банка, которую пытается прожечь озорной малыш, используя лупу. Взгляд невольно падает на наручные часы – стрелка достигает половины первого. И где носит моего напарника?

Я набираю Нилу снова, зажимая мобильный плечом и накладываю очередную порцию мороженого подошедшему малышу. Вместо ответа автоответчик сообщает, что телефон абонента выключен. Остатки моего терпения начинают иссякать и лопаться, как мыльные пузыри. Этот день просто не может быть еще хуже.

Нил вечно опаздывает. И ни черта не помогает – что он есть, что его нет. Единственная его польза – менять в туалет, и если с вечным бурчанием, будто я бросаю его до конца рабочего дня, я уже успела смириться, то вот с опозданиями – ни сколько. Хотя бы потому, что сегодня, черт возьми, суббота, и с самого утра, помимо адской пароварки как внутри, так и снаружи фургона, количество народу только увеличивается.

Зло сую мобильный в карман шорт и укладываю деньги в кассу, тихонько выругиваясь – снова прищемила палец. Похоже, залезть мне на горб и создавать вид бурной деятельности, не делая при этом абсолютно ни-че-го, и было изначальным планом Нила на эти каникулы. Он всю дорогу, пока автобус из Сиэтла вез нас родные пенаты Санта-Моники, заливал мне в уши про плюсы работы в «Пасифик парк» и как чудесно будет оказаться по другую сторону этого места.

«Только представь: будем бесплатно кататься на всех аттракционах, есть сахарную вату, пока от нее не начнет тошнить и проводить наше самое лучшее лето!»

О том, что мы мечтали об этом, когда нам обоим было по девять я решила промолчать. Звучало ведь и правда неплохо: летняя подработка прямо у самого побережья, бесплатные билеты на любые аттракционы – и плевать, что мы с Нилом катались на каждом не по одному разу – новые знакомства, возможно, чуточку безумств и приключений, если повезет. Всяко лучше бесцельного скитания от комнаты до холодильника, чтобы разогреть мамину фирменную лазанью и вновь зависнуть на каком-нибудь сериале на Нетфликс.

Идея показалась мне заманчивой не только поэтому. И мне, и Нилу нужны деньги. За несколько дней до отъезда ноутбук, выручивший меня долгие годы моей школьной, а теперь и студенческой жизни, пал смертью храбрых. Рассчитывать на помощь родителей не имело никакого смысла, ведь они оба сейчас тратятся на тренировки и экипировку моих младших братьев, играющих в бейсбол. Бита для Конрада, которую он умудрился сломать на одной из игр в прошлом месяце обошлась папе в сто пятьдесят баксов и упаковкой пива, дабы залечить нервы.

Так что немудрено, что я купилась на этот откровенный скам, совершенно не подумав, что мой друг – теперь уже, кажется, бывший – может оказаться самым никудышным работником этого десятилетия.

— Пози! — раздается сквозь гул голосов, что перебивают играющую в парке мелодию. Одну и ту же каждый день. — У нас небольшая рокировка.

Питер Спейси – паренек лет двадцати шести, что отвечает за эту точку – заглядывает в заднюю дверь фургона. Весь в акне, с немного кривыми верхними зубами, тощий и высокий. Наушник связи в его ухе продолжает о чем-то вещать, нежно-голубая форма облепила тело и в

районе подмышек намокла. Я изгибаю бровь, когда мы встречаемся взглядами, и замечаю за его плечом мужскую фигуру, что все еще стоит на улице и настойчиво прячет лицо за бейсболкой.

— Сегодня тебе будет помогать Нейтан. — Питер поправляет сальные волосы. Недоумение, что сквозит у меня на лице немного дезориентирует, но он быстро приходит в себя, отвлекаясь на очередную реплику в наушнике. — Покажи и расскажи ему все, ладно? Мне нужно бежать.

— А Нил?

— Уволился.

— Что?

Питер пожимает плечами, а после ретируется так быстро, будто его здесь и не было. Я сжимаю кулаки и делаю три полноценных вдоха, чтобы наконец успокоиться.

Вот почему Нил все это время не брал трубку. Наверняка временно засунул мой номер в черный список, дабы избежать неприятного разговора. Прятать голову в песок слишком в его духе.

Я. Убью. Этого. Засранца.

Перевожу ничего не понимающий взгляд на парня, что продолжает стоять на улице, держа в руках униформу парка, и вздыхаю.

Нейтан Флинн не изменился ни на секунду: все такой же невысокий, но грозный и жутко недовольный. Пластыри красуются на переносице и щеке, налитый синяк – на одной из скул. Привычный глазу шрам разделяет густую светлую бровь, голубые глаза нацелены на меня, как два радара, и есть в его взгляде что-то отталкивающее. словно мы снова в старшей школе, где он – гроза школьных коридоров, а я маленькая, пухлая Поззи, которой вот-вот должны снять брекеты.

— В двух минутах отсюда есть туалет, — я киваю в сторону, где расположены кабинки. — Там можно переодеться. Если ты, конечно, не планируешь простоять весь день возле фургона.

Нейт хмурится. Окидывает меня взглядом, видимо, подмечая как нелепо я выгляжу в униформе и молча уходит.

Забавно, что последний раз, когда мы виделись, оба оказались в полицейском участке. И вовсе не из-за личной неприязни – вряд ли Нейт вообще помнит, кто я такая – а потому что именно он учинил драку с Нилом, не поделив с ним Лилиан Купер на выпускном.

Нил был влюблен в нее еще с младшей школы. Красивая, с белокурыми волнистыми волосами, словно купидон из открыток на День святого Валентина, пахнущая жвачкой баблгам, Лилиан значилась в десятке лучших учеников и нравилась многим, несмотря на скверный характер. Я никогда не любила её по двум причинам:

Первая – она вечно использовала Нила ради возможности тусоваться с футболистами.

Вторая – потому что мой друг святился рядом с ней, словно вывеска казино «Фремонт», хотя Лилиан этого никогда не заслуживала.

Впервые она изменила Нилу и бросила его ради Кевина Олсона – капитана команды по футболу – на одиннадцатом году обучения, и это растоптало Нила настолько, что полгода он только и делал, что страдал под треки Билли Айлиш. Второй произошел на выпускном, когда изрядно перебравший пунша Нейт каким-то образом оказался с ней в одной подсобке, и я уверена – Лилиан сделала это специально. Нейт давно был в её списке, алкоголь и подростки – довольно простая смесь, дабы получить желаемое и исполнить свою давнюю мечту хотя бы на выпускном стать ближе к звездам.

А учитывая, что Нил и Нейт пусть и играли за одну команду, но вне поля не переносили друг друга на дух, понятно, почему конфликт разгорелся так быстро.

Помню, мама в тот вечер заставила меня нацепить на себя персиковое платье с дурацкими рюшками. Мы не сошлись во мнениях еще в торговом центре. Меня затолкали в примерочную как под дулом пистолета, всячески отвергая мои жалкие попытки выбрать что-нибудь

другое, и причитали о том, что темные тона явно не подходят для такого знаменательного вечера.

«*Это же твой первый и единственный выпускной!*», — не забывала повторять мама.

Я критично оглядывала себя в зеркале и не могла понять: либо вкус отсутствовал у меня, либо... мама слишком переоценивала мои возможности.

Мне не шло. Ни цвет, хоть я и люблю теплые оттенки, ни фасон, ни крой, ни даже наличие рукавов фонариков, обрамлявших руки. Предложенные мной платья тут же подвергались критике, и я сдалась. В конце концов, что я могла против суперуверенной в своей правоте женщины, что сумела выбить нам отличный диван на гаражной распродаже почти в три раза дешевле?

И мне даже не жаль, что под конец вечера кто-то из подвыпивших выпускников пролил на меня пунш, смешанный с чем-то высокоградусным. Потому что среди других девчонок я была единственной, кто, кажется, вернулся из восьмидесятых, чтобы наконец тряхнуть стариной.

К сведению, пунш так и не отстирался. Мама расстроилась, я же приняла это как очередную неизбежность. Платье и правда было отстойным.

Пока я старалась избавиться от пятна, о том, что произошло в подсобке узнал Нил. В ходе выяснений отношений завязалась драка: парни умудрились перевернуть стол, запутавшись в ткани белоснежных скатертей, повалить стенд с фотографиями и попутно с этим миссис Кэйси — нашу учительницу по английскому, что комично влетала в стену и ударилась об нее головой.

И пусть я пропустила все самое интересное, это не помешало мне врезать Лилиан меж глаз просто потому, что она это заслужила. Четыре часа в мокрым платье, с начавшимся из-за пунша похмельем в участке того стоили.

Интересно, что Нейт здесь делает? Если мне не изменяет память, после выпуска он должен был улететь к своей матери в Англию, чтобы продолжить учебу там. Ходили слухи, что мистер Флинн давно это планировал. Хотел вразумить выбившегося из-под контроля сына, наказав ему стать наконец самостоятельным. Но ни черта у него не вышло, и это объясняет почему вместо отдыха в шикарном домишке Нейт оказался здесь. Еще и в качестве моего напарника. Будто мне и без этого проблем не хватало.

Нейт ведь и есть проблема. Черная дыра, притягивающая неприятности как по щелчку пальцев. Что мне, черт возьми, со всем этим делать? Я в полной растерянности. Даже не знаю, как вести себя с тем, кто еще в прошлом году был настолько важной фигурой, что трепящиеся в школьном туалете девчонки мечтали стать крошкой у него на заднице, лишь бы быть к нему как можно ближе.

Нейт возвращается, когда очередь сокращается вдвое, и несмотря на то, что униформа действительно ужасно нелепая, ему она идет. Оттенок футболки, что контрастирует с чуть подзагорелой кожей, пусть и выглядит аляповато, сидит на нем лучше, чем на мне. Ткань обтягивает широкие массивные плечи, талию и будто пошита специально под него. Из-под козырька надетой задом-наперед кепки виднеются пшеничные волосы, что всегда в творческом беспорядке. Даже пластыри и синяк этой картины не портят. Вот же ж.

— Ты вернулся, — говорю я, не поднимая глаз.

— Тронута?

— Нет. Просто пытаюсь понять, ты потерялся или искал способ исчезнуть навсегда.

— Оба варианта.

Он нехотя забирается в фургон, оглядывается вокруг так, будто попал в музей сомнительных архитектурных решений, и усаживается на складной стул.

Я оборачиваюсь.

— Знаешь как пользоваться кассой?

— Не особо.

— Понятно. Открывается достаточно просто, но предупреждаю – любит кусать пальцы, если вовремя не убирать руки. С реакцией в порядке, надеюсь?

Нейт изгибает бровь. Замечаю, как уголок его губ стремительно бежит вверх, очевидно находя мою реплику забавной.

— Я пережил английский университет. Думаю, касса меня не сломает.

Он откидывается на стуле и лениво мажет по мне взглядом.

— Можешь сильно не стараться. Я тут ненадолго.

— Да ну?

— Временная остановка на пути к нормальной жизни.

— А это, значит, не нормальная?

— Ну... — Флинн обводит взглядом фургон. — Не хочу тебя расстраивать, но в здравом уме я бы сюда не сунулся.

Конечно. Такие места явно не рассчитаны на бывших королей школы.

Я усмехаюсь своей мысли и прислоняюсь к витрине с мороженым.

Нейт вдруг подается вперед. Его колени почти касаются моих.

— А ты что тут забыла, умелые пальчики?

— Прости?

— Ты выглядишь как человек, у которого есть план на ближайшие десять лет. — Он лениво кивает на фургон. — И этот план явно не включает выдачу мороженого детям.

— Тебя это волнует?

— Любопытство – моя слабость.

— Какая трагедия.

— Так почему? — не унимается он. — Обычно такие милые девочки работают за идею, а не за деньги.

Я скрещиваю руки.

— Может, расскажу, если покажешь свои навыки в действии. Вставай за кассу. Мне нужен перерыв.

Нейт даже не двигается.

— Боюсь тебя огорчить, но этого не произойдет.

— Мы вообще-то напарники.

— Сочувствую.

— Нейт.

— Пози, — он медленно читает мой бейдж. — Поверь, я тоже не хочу портить наши отношения. Но вчерашний вечер оставил меня в крайне... уязвимом состоянии.

— Похмелье?

— Жуткое. Плюс мигрень. Плюс моральная травма от общения с полицией.

— Какой ужас.

— Именно. С таким лицом я только распугаю клиентов. А мы ведь хотим дарить радость людям, правда?

Я смотрю на него несколько секунд.

— То есть работать сегодня буду я.

— Смотри, как быстро ты все поняла.

— А ты?

— Буду страдать и мученически ждать, когда меня заберут отсюда.

В его глазах пляшут искры насмешки. Чем бы не руководствовался Питер, когда решил сунуть этого парня сюда, одно я знаю точно – все это пахнет настолько дурно, что хочется взвыть.

Хотя чего я ожидала? Ясно же, как день – Нейт пальцем о палец не ударит. Это не в его природе, он вообще навряд ли знает, что такое труд. Смешно, что второй человек, по счастли-

воту стечению обстоятельств оказавшийся у меня в напарниках, стал еще одним приложением к мебели. Надеюсь, Питеру до конца оставшейся жизни придется бороться с неконтролируемыми приступами икоты.

— Знаешь, ты совсем не изменился, — говорю я. — Все такой же наглый, убегающий от ответственности ребенок, каким и был в школе.

— Я вырос.

— Сомневаюсь.

— Просто теперь делаю это стильнее.

Я качаю головой.

— Как ты вообще оказался здесь?

— Обязательные работы.

— Серьезно?

— Ага. Шериф решил, что труд облагораживает. Идея не из лучших.

— Абсолютно лишённая логики и здравого смысла.

— Не могу не согласиться, — Нейт одобрительно хмыкает. — Хотя запереть меня в одном фургоне с коротышкой вроде тебя... кажется более жестоким.

Я поджимаю губы. Подбородок будто назло начинает дрожать вместе с руками, которыми упрямо приходится вцепиться в края витрины.

Я никогда не комплексовала насчет собственного роста, однако в сравнении с Нейтом я будто блоха, на которую он ненароком может наступить. И почему-то это раздражает. Даже смотреть на него сверху вниз не получается – его фигура в раскладном стуле действительно больше.

Между нами оседает молчание, в котором остро чувствуется потрескивающее недовольство. Решительно беру стоящую неподалеку бутылку воды и протискиваюсь между Нейтом и витриной к двери.

— Ты куда это? — проговаривает он, когда я оказываюсь за пределами фургона.

— На обед. Дам тебе пятнадцать минут, чтобы смириться с судьбой и научиться работать с кассой.

С грохотом захопываю дверцу. Нейт высовывается прямым через витрину.

— Не забывай улыбаться клиентам! — кричу я, не оборачиваясь.

— Пози!

— Что?

— Я не умею выдавать мороженое!

— Отличный шанс научиться!

— Вернись обратно!

Нейт кричит что-то ещё, но я не вслушиваюсь. Вместо этого бросаю взгляд на наручные часы, проверяя время, и сворачиваю за угол — прямым к «Каса Мартин». Надеюсь, Джой, которая в костюме дельфина зазывает народ посетить парк, еще не свалила обратно на пристань.

Обычно мы встречаемся за Лазертагом. Там есть хотя бы тень, оборудованная курилка и бетонный парапет, на котором можно сидеть, не чувствуя себя куском расплавленного мороженого.

Странно, но именно присутствие Джой здесь действительно меня успокаивает. Хоть она никогда не нуждалась в деньгах — её родители всегда жили довольно обеспеченно — после школы Джой так и не уехала в колледж. Внезапное разорение отцовской мастерской и судебные тяжбы вынудили её повременить с учебой и устроиться кассиром сначала в «Интермикс», а после податься сюда, совмещая обе подработки.

И нужно отдать ей должное – Джой неплохо держится. Вместо того, чтобы как и я продавать мороженое, она в дурацком костюме дельфина крутится неподалеку, раздражаясь каждый раз, когда кто-нибудь подходит к ней сфотографироваться.

Я замедляю шаг. Джой, как и ожидалось, еще здесь. Голова дельфина лежит у неё на коленях, у губ дымится сигарета — явно не первая. За раз Джой обычно выкуривает две, чтобы хоть немного успокоиться.

Она сидит на краю парапета и лениво наблюдает, как по небу плывут ватные облака.

Я устраиваюсь рядом.

— Слышала, Нил свалил, — говорит она, стряхивая пепел. — Сочувствую.

— Если бы он действительно работал, я бы, возможно, расстроилась, — мрачно отвечаю я, делаю глоток воды и тут же морщусь. Теплая и отвратительная. — Но не могу его винить. Я бы тоже сбежала, если бы деньги начали падать с неба.

Джой усмехается.

— Если бы в жизни все было так просто, никто из нас не торчал бы здесь за двенадцать баксов в час.

Она морщится и тянет ворот футболки.

— Эта подработка — преступление против человечества. Я полвечера отмываюсь после смены. И все равно пахну так, будто меня воспитывала стая невымытых обезьян.

— Ты преувеличиваешь.

— Разве? — Джой косится на меня. — По-моему, из нас двоих только ты пытаешься сгладить углы. Клянусь, Позы, я поражаюсь твоей выдержке. Мне бы твои нервы.

— Они тоже сдают, — вздыхаю я. — У меня в напарниках Нейтан Флинн. И за те десять минут, что мы успели «мило» поболтать, я поняла, почему люди иногда начинают драки на парковках.

Джой резко выпрямляется.

— Да ты должно быть шутишь.

— Увы, но юмор – не моя сильная сторона.

— Он же должен быть в Англии.

— Я тоже так думала.

— И как его занесло сюда?

— Похоже, он снова с кем-то подрался и загремел в участок. Шериф назначил ему обязательные работы и... вот он здесь.

— О боже.

— Именно.

Я откидываюсь назад.

— Только ощущение, что наказание досталось мне, а не ему.

Джой тихо смеется и хлопает меня по плечу.

— Нужно поговорить об этом с папой.

— Позы, не трогай своего старика. Он наверняка хотел как лучше.

Да уж, а вышло с точностью да наоборот, — думаю я.

Для работника правоохранительных органов мой папа немного своеобразен. Когда нужно – он жесткий и серьезный. Особенно если дело касается моих братьев, у которых талант попадать в неприятности.

Например, однажды вместо того, чтобы орать на обоих за устроенный дома бардак, он отвез их на пляж и заставил собирать мусор вдоль всей пристани. Меня после выпускного он вообще решил оставить в участке вместе с остальными, так как прознал, что я пила алкогольный пунш и не один стакан за вечер.

Но иногда его мягкосердечность работает очень... странно. И доказательство этому – оказавшийся у меня в напарниках Нейт, которого, по-хорошему, нужно было отправить за решетку.

— Как он? — интересуется Джой. — В смысле Нейт.

Я поворачиваюсь к ней.

— Тебя правда интересует только это?

— Конечно.

— А как же мое моральное состояние?

— Мы обе знаем, что ты в порядке, — невозмутимо отвечает Джой. — Перебесишься, дотерпишь до конца смены и завтра снова пойдешь покорять волны.

Она тыкает меня локтем.

— Я знаю тебя, Позы. Ты как швейцарские часы.

Я вздыхаю. К сожалению, она права. Минутная злость – это максимум. Нейт вряд ли рискнет по-настоящему меня довести. Он прекрасно понимает, кто в итоге будет делать всю работу.

Ветер треплет влажные от пота волосы. Хочется скинуть кеды, переодеться во что-нибудь легкое и залезть в ледяную ванну. Джой докуривает сигарету, и на секунду между нами повисает идеальная тишина. Даже раздражающая мелодия парка и крики детей её не портят.

Вот бы не возвращаться обратно. Но мои пятнадцать минут истекают слишком быстро.

Джой натягивает голову дельфина и ругается сквозь зубы.

— Ненавижу эту рыбу.

Мы выходим под безжалостное солнце.

— Кстати, — говорит она по дороге, — надо как-нибудь сходить выпить.

— Только не сегодня.

— Почему?

— Боюсь, к концу смены меня арестуют за попытку убийства.

— Чьего?

— Угадай.

Джой смеется.

— Я бы посмотрела.

— Зрелище так себе.

— Не уверена, — говорит она. — Там, где появляется Нейт Флинн, всегда становится интересно.

Я толкаю её в плечо и сворачиваю к своему фургону.

— Держи себя в руках, Позы! — кричит она мне вслед. — Или хотя бы позови, если начнется драка.

К десяти часам парк наконец закрывается. Я отбрасываю надоевшую кепку в сторону и опускаюсь на пол фургона. Моё место по-прежнему занято – Нейт со скучающим видом листает ленту новостей в телефоне и делает вид, что меня не существует.

Я украдкой смотрю на него и едва сдерживаю смехок. Прозаично, но он все еще здесь. Похоже, мистер Флинн наконец умыл руки и оставил Нейта самостоятельно разгребаться со своими проблемами.

Цепляюсь за сумку и достаю оттуда расческу и зеркало. Вид оставляет желать лучшего: веснушки стали ярче, стрелка на глазу размазалась, тушь осыпалась, а волосы выглядят так, будто я пережила ураган. Я распускаю их, зажимая резинку между губ, и собираю в высокий хвост.

Краем глаза замечаю, как Флинн наблюдает за мной и старательно пытаюсь не обращать на это внимание. Я все еще зла, раздражена и упрямо решила, что буду игнорировать Нейта

всеми возможными способами, ведь так легче – ему не для кого устраивать шоу, чтобы потешить собственное эго. Все в выигрыше.

Но чем старательнее я пытаюсь не отвечать на его взгляд собственным, тем сильнее негодование подкатывает к горлу вместе с комом.

Я вздыхаю.

— Перестань на меня пялиться, — прошу я.

Он подпирает щеку рукой.

— Просто наблюдаю. Удивительное зрелище – вся эта... девичья возня.

— Поработай одиннадцать часов на ногах, посмотрим, как ты будешь выглядеть, — сухо отвечаю я. — Хотя справедливости ради, минут пятнадцать из них ты все-таки был полезен. Я даже немного горжусь.

— Ты не оставила мне выбора.

— Боже, да я просто ужасна. Нейтан Флинн продавал мороженое. Сам! Я буду гореть в аду за это.

Он тихо смеется.

— И давно у тебя прорезались зубки, кудряшка?

— Решила брать пример с тебя, мистер острый-на-язык.

Я захлопываю зеркальце.

— И вообще, не разговаривай со мной. Ты раздражаешь одним своим присутствием.

— А как же не портить наши рабочие отношения, а, Поззи? — наигранно удивляется он.

Я закатываю глаза.

— После того, как ты ясно дал понять, что не станешь мне помогать, у меня отпало всякое желание быть с тобой душкой.

— А ты ею разве была?

Я раздраженно бросаю зеркальце обратно в сумку и поднимаюсь на ноги.

— Ох, прости, что задела твои нежные чувства.

— Ничего страшного, — улыбается Нейт. — Мне нравится, когда люди обо мне беспокоятся.

— Как мило, что ты вообще способен думать о ком-то кроме себя.

— Это моя отличительная черта.

— Пф, оставь это для кого-нибудь другого. Я не Лилиан, мне это совершенно неинтересно.

Он наклоняет голову.

— Просто признайся, что хотела бы оказаться на её месте. Я все пойму.

— Если не собираешься помогать, то незачем попросту сотрясать здесь воздух.

— Согласен. Я в этом профессионал. Прямо как ты в этой форме.

— Достаточно! — уже громче проговариваю я, понимая, что начинаю злиться.

Он ведь на это и рассчитывал – довести меня, чтобы в очередной раз посмеяться.

— Ты права.

Нейт зачем-то кивает сам себе, а после усмехается. Я не успеваю понять, что происходит: он резво поднимается на ноги и выскальзывает на улицу. Раздается оглушительный хлопок.

— Эй!

За секунду оказываюсь возле двери и дергаю за ручку, пытаюсь открыть её. Тщетно.

— Ты это серьезно? — кричу я, врезаясь кулаком по металлическому покрытию. — Тебе что, десять, Нейт?

Ответа не следует. Дверь по-прежнему не поддается. С улицы доносятся какие-то странные звуки, и я бросаюсь к прилавку, чтобы разглядеть происходящее.

— Какого черта ты творишь? — возмущенно роняю я, когда замечаю фигуру Флинна за пределами фургона.

— Я? — он невинно хлопает глазами и указывает на себя пальцем. — Ох, милая Позы, ты, похоже, совсем перегрелась! Сначала дала мне ключи, потом забыла об этом, а теперь предъявляешь? Знаешь, я был о тебе лучшего мнения!

В доказательство он вытаскивает на свет мою рабочую связку, прокручивая её на одном пальце. Возмущенный вдох режет по трахеи, как нож по подтаявшему маслу.

— Ты спер мои ключи?!

— Позаимствовал. Не делай из меня мелкого воришку.

— Думаешь, это смешно? — продолжаю недовольствовать я. Нейт смеется, прикрывая губы кулаком. — Серьезно, это просто ребячество чистой воды! У тебя айкью как у пятилетнего ребенка!

— Ты мне льстишь, — улыбается он, просмеявшись. — Да ладно, Позы, ты же первая это начала.

— Что?! Я целый день пахала здесь в адской жаре!

— Именно. — Нейт ухмыляется. — Поэтому я решил внести немного разнообразия. Хочу лично полюбоваться, как ты полезешь через прилавок.

— Ты же шутишь, верно?

Он достает телефон.

— Подожди, не начинай. Мне нужно это снять.

— Нейт!

— Позы Мэйсон и её акробатические трюки. Это точно завирусится.

— Верни. Мне. Ключи.

Флинн в ответ только улыбается.

С силой ударяю по витрине. Рука загорается от боли, будто кто-то поднес к ней горелку. Я едва сдерживаюсь от вскрика и, закусив губу, прижимаю её к груди, скрючившись пополам.

Когда он успел? Ключи же все это время были... в сумке. Той самой, в которой я их не обнаружила, потому что слишком сильно была поглощена усталостью и попыткой привести себя в порядок. Значит, решил пока меня нет покопаться в моих вещах? Просто низость!

Нейт смеется — громко, искренне, почти по-детски. Ветер треплет его светлые волосы, и на секунду это выглядит... слишком беззаботно.

Со злости хватаю пустую бутылку и бросаю её в него. Прозаично, но она даже не долетает до цели — останавливается прямо у его ног, упираясь в носы кроссовка.

— У тебя явно сбит прицел, Позы. Не думала начать тренироваться?

Я снова дергаю дверь. Закрыта.

Черт.

Лезть через витрину? Мне ведь еще лотки с мороженым выносить! А звонить Питеру так вообще неразумно: мало того, что получу по голове за то, что оставила ключи, так еще ждать буду до завтрашнего утра, если он все-таки ушел домой.

Я смотрю на Нейта. Он стоит напротив и спокойно переписывается в телефоне.

— Эй, — зову его я, — не собираешься открывать?

Флинн поднимает взгляд.

— Неа. Как собираешься выбираться?

— Все еще надеюсь, что ты достаточно потешился и откроешь.

— Без шансов.

Я обреченно вздыхаю, оглядывая масштаб образовавшейся проблемы и думаю, что это, наверное, карма решила наполовину с Богом отыгаться за все плохое, что я когда-либо делала. И в роли возмездия, конечно же, выступает Нейт. Конченный придурок, которых еще не видал свет!

— Просто открой эту долбанную дверь, Нейт, — уже заметно поспокойвшись прошу я. Но ответа не следует.

Резко поднимаю голову. Никого. Вздох раздражения слетает с губ вместе со смехом.

Ушел, пока я собиралась с силами. Просто взял и ушел.

Я вытаскиваю телефон. И, перебарывая желание кинуть его в стену, послушно тыкаю на заветный контакт.

— Питер, это Поза. Не мог бы ты подойти к моему фургону? Кажется... я снова потеряла свои ключи.

Глава 2. Непрошенные разговоры и грязное белье

— Ты даже не притронулась к вафлям, — констатирует мама и убирает тарелку у меня из-под носа. — Снова на диете?

Я покачиваю головой и залпом допиваю молоко, отставляя стакан в сторону. Она скептически вздергивает бровь.

— Нет аппетита, — вздыхаю я.

Мама качает головой.

— Вчера отказалась от ужина, сегодня от завтрака. Все в порядке, Пози? Я переживаю, милая.

Ни черта не в порядке, — рвется наружу, но вместо этого я натягиваю на губы улыбку.

— Просто устала на работе.

Посуда опускается прямо в раковину. Мама оборачивается, упираясь копчиком в мойку, и складывает руки на груди. В своем любимом фартуке, с заколотыми крабом волосами и серьезным лицом она выглядит немного грозной, будто вот-вот начнет читать мне нотации. Всегда переживает больше обычного. В этом вся мама.

Солнечный свет из окна мажет по её домашнему платью в мелкий горошек, плечам и лицу, едва покрытому росчерками морщин. Для своих лет мама выглядит достаточно молодо. В прямом смысле этого слова – нас так часто принимают за сестер, что я всерьез задумываюсь: либо это генетика творит чудеса, либо все-таки пилатес, на который мама ходит каждые среду и пятницу. О том, что на фоне этой роскошной женщины я выгляжу как гадкий утенок говорить даже не стоит.

Не понимаю, как у них с папой родилось трое детей, двое из которых явно выиграли в генетической лотерее. Конрад и Говард – однояйцевые близнецы – пошли в среднюю школу в прошлом году и уже успели занять огромное количество поклонниц. И пусть я не считаю этих вонючек эталоном красоты, надо признать: они разобьют не одно женское сердце, когда подрастут. Оба жилистые, спортивные, светловолосые, с мягкими, по-мальчишески аккуратными чертами лица.

Этим они пошли в маму. Мне от неё вместо цвета досталась та же структура волос. Пышные, похожие на гриву, в мелкую кудряшку. Значительную длину пришлось урезать еще в средней школе, так как тягаться с ней оказалось жутко затратно и тяжело, но в итоге я все равно вернулась к тому, отчего ушла – к длинным, чуть ниже лопаток волосам.

От мамы мне также досталось бесчисленное количество родинок, будто мириады спутников. А вот все остальное, похоже, перешло по папиной линии, иначе как объяснить, что ни у кого из нашей семьи нет курносого носа. Нет пухлых губ, похожих на два вареника. Нет такой железобетонной неуверенности в себе, какая, похоже, заложилась в мой набор ДНК еще до появления на свет. Я всю подростковую жизнь считала – да и сейчас, к слову, считаю – себя настолько простой и посредственной на внешность, что иногда не могу подолгу смотреть на свое отражение. Возможно, дело в Эрзе Шоу, который еще в младших классах начал дразнить меня, называя толстой губашлепкой, а может, в том, что я поверила всем его обидным словам и сама стала считать себя такой же.

Казалось бы, прошло уже столько времени, но я почти всегда слышу на периферии сознания его голос. Не забываю ни дня, когда он дергал меня за волосы, а один раз чуть не поджег их уже в средней школе, на уроке химии. Помню его взгляд и смех, шепот остальных ребят у меня за спиной, как не хотела ходить в школу, потому что у нас с Эрзой было схожее расписание. Абсолютно все плохое, за что цепляется память.

Буллинг – обычное дело, особенно, когда находится один неуверенный в себе мальчишка, которому просто нужно самоутвердиться за чужой счет. Однако некоторым – вроде меня – это

самоутверждение наносит травмы, и эти травмы идут бок о бок уже во взрослой жизни, не планируя исчезать. Я стараюсь работать над собой. Принимать, любить, в каких-то моментах мириться, но это тяжело. Большую часть времени я просто-напросто уживаюсь со всем, что есть внутри меня, надеясь, что станет легче.

Что же касается Эрзы – я не видела его с тех пор, как родители перевели его в другую школу после того, как они с Нейтом поцапались. Если подумать, Флинн уже тогда каким-то образом вмешался в мою жизнь. Наверяд ли он вообще об этом помнит, Нейт что в средней, что в старшей школе был кем-то вроде повесы, несмотря на популярность, однако драки с того времени стали буквально его проклятием. Именно поэтому он так сильно ударился в футбол – причинять вред в попытке отобрать мяч у соперника хотя бы законно.

Не знаю, что именно случилось, но лицо Эрзы после их стычки выглядело так нелепо, что я не могла сдержаться от смешка. Вечно горделивый он шел с опущенными плечами, озирался всякий раз, когда слышал за спиной шаги и смотрелся таким жалким, каким и боялся стать. Нейт отправил его в больницу, не рассчитав удар и сломав бедняге челюсть, но дело удалось замять, в частности благодаря мистеру Флинну и его положению в городе. Нейта отстранили от занятий на две недели, а потом обязали месяц заниматься уборкой школы. Считаю, вышел сухим из воды. Сесть за побои – весьма серьезно, тем более для ученика средней школы.

Я поджимаю губы. Вчерашний инцидент продолжает всплывать перед глазами всякий раз, когда я старательно пытаюсь не думать об этом. Самое паршивое – Питер устроил мне взбучку. Сказал, что вычтет из моей зарплаты сумму за дубликат ключей. Он насчитал уже три случая утраты, и только первый – единственный, когда я и правда их потеряла. Второй банально и глупо случился в туалете, где они выпали из кармана джинс прямо в унитаз, и я случайно их смыла. За третий ответственен Нейт, но по каким-то соображениям я решила не говорить Питеру об этом. Уж слишком стыдно признаваться, что не заметила, как этот придурок спер их у меня из сумки.

Теперь придется проверять свои вещи на предмет сохранности. Никогда не знаешь, что в голове у человека, вдруг ему понадобится еще что-то, помимо горы чеков, зеркала и двух видов салфеток.

— Я считаю, что ты зря решила подработать этим летом. — Мама поворачивается к раковине и включает воду. — У нас достаточно средств, чтобы обеспечить и тебя, и твоих братьев. Не понимаю, почему ты решила иначе.

— Вы выложили круглую сумму за колледж. Мне совестно, что я ничем не помогла.

— Это наша прямая обязанность, Позы – оплачивать обучение. А еще поддерживать, когда у вас, детишек, что-то не получается. Я понимаю твоё желание не чувствовать себя обязанной, но все в порядке, милая. Не спеши взрослеть, еще успеешь насладиться взрослой жизнью.

— Знаю, — вздыхаю я. — Но разве от этого легче?

— Только представь сколько денег нам придется отдать за твоих братьев. Ты – самое дешевое вложение из вас троих.

Тут на кухне появляется папа.

— Если эти оболтусы начнут нормально играть в бейсбол, быть может, мы отделаемся спортивной стипендией.

Я поднимаю голову, чувствуя, как его руки опускаются на мои плечи и подавляю смешок.

Мама ставит на стол свежесваренный кофе. Аромат разносится чуть ли не по всему дому.

Проходя мимо, папа чмокает меня в макушку.

— Не время заглядывать в будущее, Позы. Ты уже давно у меня на счетчике.

— Боюсь спросить какой процент уже накапал.

— Тебе придется здорово постараться, милая, — смеется он и усаживается во главе стола.

Уже по форме, с уложенными гелем волосами и довольный как человек, выигравший в лотерею, папа выглядит бодрым. Лишь синяки под глазами выдают усталость и недосып – в последнее время он буквально живет на работе. Мы видимся либо за завтраком, либо за ужином, и от этого безумно грустно. Я думала, что хотя бы этим летом мы проведем как можно больше времени вместе, но ошиблась.

Вчера он вернулся домой почти ночью, застав нас с мамой за просмотром «Пожарная часть девятнадцать». Мама уже спала, я же безучастно наблюдала за актерами сериала, не имея шанса успокоиться.

Чертов Нейт. Чертова работа. Чертово испорченное лето!

— Как дела на подработке? — как бы невзначай интересуется папа.

А то ты не знаешь какую свинью мне подкинул, — хмыкаю про себя я, но вместо этого отвечаю:

— Без изменений. Все так же тружусь, как пчелка.

— И ничего не ест со вчерашнего дня, — недовольно протягивает мама, возвращаясь к мытью посуды. — Не пора ли провести еще одну беседу о вреде голодания?

Только не это. Она до сих пор не может успокоиться после того инцидента, когда я решила сбросить вес и пересела на питьевую диету. Все закончилось больницей, потому что я упала в обморок, и мама теперь считает своей прямой обязанностью впихнуть мне в рот что-нибудь съедобное.

— Пози? — Папа изгибает бровь, пригубив кофе. — Снова за старое?

— Никак нет, сэр, у меня просто нет аппетита.

— В прошлый раз мы слушали то же самое. И вспомни, чем это закончилось! — никак не успокаивается мама. Я сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. — Ты не толстая, Пози.

— Мама права, котенок. Твой вес по заверению врача полностью соответствует твоему росту. Может, нам стоит посетить врача? Или встречу людей больных булимией? Расстройство пищевого поведения – не шутка.

Боже, вы это серьезно.

— «Тысяча двести смертей в год являются прямым результатом расстройств пищевого поведения», — распаляется мама, цитируя очередную статью из интернета. — Разве это не ужасно?

— Я уйду в свою комнату, — проговариваю я и встаю из-за стола. — Посплю еще немного, а потом обязательно позавтракаю.

— Убегать от разговора, Пози, это... — папа качает головой.

— Я не убегаю, просто не хочу разозлиться и наговорить лишнего. Вы же понимаете, что тот случай был единичным, и я больше не собираюсь поступать подобным образом? Пожалуйста, давайте не будем поднимать эту тему снова.

Темные брови папы сводятся к переносице, мама выключает воду. Её напряженные плечи становятся будто бы каменными, и я невольно чувствую, как подступающее к горлу раздражение сменяется стыдом, когда она оборачивается и встречается со мной взглядом.

Больше всего на свете я не хочу ранить их обоих. Но из-за своего вспыльчивого характера продолжаю это делать.

Я не слышу, что они говорят мне вслед. Врываюсь в собственную комнату, прислоняюсь спиной к двери и пару секунд пытаюсь восстановить дыхание.

Ну же, успокойся, Пози.

Перед глазами вновь появляются отрывки воспоминаний. Мамин крик, карета скорой помощи, белые стены палаты, слезы и ком, который не дает вымолвить хоть слово. Даже смотреть в сторону обеспокоенных родителей не хватает духу – я только и делаю, что тереблю в пальцах красный браслет с парочкой бусин, из которых выложено мое имя, и чувствую бесконечную вину за то, что заставила двух взрослых волноваться о своем состоянии.

Это было глупо, знаю. Мне не следовало быть настолько легкомысленной, думать, что никто ничего не поймет и эта выходка не обернется бедой. Все случившееся полностью моя вина, но нам всем пора уже оставить это позади и двигаться дальше.

Плюхаюсь обратно в постель, беря мобильный в руки. На часах восемь тридцать шесть, сна ни в одном глазу, тем более после произошедшего на кухне. Проверая почту, делаю попытку отправить Нилу сообщение и с удивлением обнаруживаю, что оно отправилось.

Гудки на том конце провода сменяются недовольным бурчанием спустя три непрерывные попытки дозвониться до друга.

— Какого хрена, Поззи?

— О, нет-нет, это лучше ты мне скажи, какого хрена ты кинул меня одну разбираться с нескончаемым потоком отдыхающих в самый сложный день этой долбанной недели! — с возмущением рявкаю я. — Уволиться и даже не сказать мне об этом – довольно низко, не считаешь?

Воцаряется гробовое молчание. На всякий случай отнимаю телефон от уха и проверяю, не скинул ли Нил трубку. Секунды продолжают идти, но он по-прежнему молчит.

— Игра в молчанку не ответ.

— Я жду, пока ты выговоришься.

— О, так ты теперь заботишься о моих чувствах?

Нил вздыхает.

— Я в курсе, что поступил как мудака.

— Мягко сказано, — хмыкаю я.

— Но на это есть свои причины.

— И какие же?

— Не по телефону. Встретимся позже? Я всё объясню.

— Думаешь я хочу тебя видеть?

— Да ладно, это же я, Поз, — его голос делается шутливым. — Солнце, что освещает твою серую, скучную жизнь. Не спорю, мой поступок – отстой, но сейчас только утро. У тебя впереди еще целые сутки, чтоб вынести мне мозг и хорошенько врезать. Я даже не буду сопротивляться. Просто сделай это позже, ладно? Я лег спать только час назад.

— Не моя проблема.

— Во имя нашей дружбы.

— Мы больше не друзья.

— Ауч. — Нил пропускает смешок. — Прекрати говорить такие страшные вещи.

— Ты заслуживаешь их слышать, — говорю я и переворачиваюсь на бок, понимая, что не могу злиться на него слишком долго. В конце концов, это же Нил – моя вечная головная боль, от которой не поможет ни один обезбол в мире.

Мы знаем друг друга с пеленок. Вместе пережили все трудные этапы друг друга, включая смерть миссис Миллер, когда Нилу было восемь, прошли огонь, воду и медные трубы, и как бы я не хотела сердиться на него за безалаберность и легкомысленность, эти неотъемлемые вещи и есть часть него.

Дружить – значит принимать своего друга любым, с положительными и отрицательными чертами. Я могу дуться на него сколько угодно, но Нил не имеет силы вернуться в прошлое, чтобы исправить свои косяки. Он такой, какой есть.

Я вздыхаю.

— Ладно, — прикрываю глаза и сжимаю переносицу большим и указательным пальцами.

— Встретимся в Рэйс в два, и чтоб без опозданий, ясно?

— Ты лучшая, Поззи.

— Не зарекайся. Ты оплачиваешь счет.

— Без проблем. Эта невысокая плата за твое прощение, тем более, что я и правда налажал.

— Ничего не хочу слышать, так что отключаюсь.

— Люблю тебя! — доносится напоследок, прежде чем я прерываю звонок и откидываю телефон на подушку, прикрыв руками лицо.

И почему уже второй раз за это утро я чувствую себя виноватой за все проблемы на свете?

До того как заявиться в Рэйс, мама запрягает меня заехать в прачечную в обмен на возможность воспользоваться её Крайслером. Стиральная машинка сломалась еще во вторник, из чистых вещей у меня остались только джинсовые шорты и протертая футболка с Черепашками-ниндзя, так что я охотно соглашаюсь. И не только поэтому – на улице стоит удушающее пекло, а в машине хотя бы есть кондиционер.

Пока иду до подъездной дорожки, думаю, что расплаволюсь, так и не достигнув цели. Если и есть минусы жить возле побережья, то вот один из них, и даже то, что я провела здесь практически всю свою жизнь не отнимает того, как сильно я ненавижу жару. Сегодня термометр и вовсе зашкаливает – восемьдесят один градус, что для конца июня в Санта-Монике довольно непривычно.

В прачечной помимо меня оказывается трое: миссис Мартинес, которая дремлет на скамейке вместе со своей кошкой, девушка, не перестающая болтать по телефону, и Нейт, лениво наблюдающий за вращением барабана стиральной машины в самом углу сквозь солнцезащитные очки.

Я мечтаю только о двух вещах: остаться либо незамеченной, либо проигнорированной.

Ни то, ни другое не сбывается – машинка отказывается запускаться и съедает все мои жетоны, из-за чего мне приходится вернуться к зависшему терминалу рядом с автоматом с напитками.

— Рад, что ты выбралась целой и невредимой, — буднично проговаривает Нейт, появляясь рядом и нажимая кнопку с логотипом Dr Pepper.

Я закусываю щеку, чтобы не вступать в разговор, но Флинн ловит мой взгляд и лениво улыбается.

— Кстати, стиралка рядом со мной – последняя из живых здесь.

Просто замечательно, — думаю про себя я и едва сдерживаюсь в порыве не взвыть – терминал как назло зависает окончательно.

— Помочь?

— Я справлюсь.

— Конечно. Выглядишь как человек, который способен победить даже автомат с газировкой.

Я игнорирую его. Нейт хмыкает и без лишних слов ударяет по терминалу. Через мгновение аппарат выплевывает жетоны наружу. Удар будит миссис Мартинес, и её недовольное бурчание смешивается с бесконечной болтовней девушки по телефону.

— Спасибо, — вздыхаю я и убираю жетоны в карман шорт.

Нейт забирает банку, и я уже почти надеюсь, что на этом наше общение закончится.

Но нет.

Когда он проходит мимо, моя корзина с бельем внезапно оказывается у него в руках.

— Поставь на место.

— Даже не хочешь дать мне шанса загладить вину?

— Нет.

— Жестоко. Я почти расстроился. — Он оборачивается через плечо, а после кивает на мою футболку. — Теперь понятно, почему Рафаэль твой любимчик¹!

Нейт ставит корзину на скамью, не сводя с меня взгляда. Блеск хитрых глаз проскальзывает даже через темное стекло солнцезащитных очков, медленно сползающих к переносице. Он наклоняется чуть ближе. Солнце цепляется за его растрепанные светлые волосы.

— Это просто футболка из Таргета, — говорю я и забираю корзину. — Не придавай ей такое огромное значение.

Нейт поднимает руки в жесте капитуляции.

— Просто наблюдение, кудряшка.

Запах его одеколона, сигарет и мятной жвачки на секунду сбивает меня с мысли. Он молчит до тех пор, пока я не выставлю нужный режим и не запущу машинку.

— Кажется, я должен кое-что тебе вернуть.

Я оборачиваюсь.

— Твои ключи.

— Мне не послышалось?

— У тебя проблемы со слухом?

— Нет, — медленно говорю я. — Просто не ожидала, что у тебя есть совесть.

Нейт разваливается на скамейке и открывает банку.

— Не хочу, чтобы между нами остались обиды.

Я фыркаю.

— Что ты, какие обиды? Всего лишь испорченное настроение, унижительная поездка домой и убедительное доказательство того, что тебе плевать на всех, кроме себя.

— И поэтому ты до сих пор плещешь ядом? — Флинн усмехается и приспускает очки. Обманчиво спокойный взгляд заставляет поджать губы. — Ты явно из тех, кто принимает чужие шутки слишком близко к сердцу.

— Это не шутка, если она сделана за чужой счет.

— Ты бросила меня, — пожимает плечами Нейт. — Я сделал то же самое.

— Это не делает нас квитыми.

— Конечно делает, кудряшка, — усмехается он. — Так что перестань разыгрывать драму.

— Не называй меня так.

Флинн задумчиво наклоняет голову.

— Коротышка?

— Я Позы. По-зи.

— Я знаю.

Он улыбается шире и делает глоток, а затем вытаскивает из кармана связку и бросает её мне.

— Больше не теряй.

Я молча убираю ключи в карман. Опускаю взгляд на наручные часы, а после подхватываю свою сумку-шоппер.

— Уже уходишь?

— У меня дела. Если и правда хочешь заглядеть вину, присмотри за моими вещами.

Нейт приподнимает бровь.

— Доверяешь мне свое нижнее белье? Очень мило.

— Только если ты не собираешься украсть его.

— О, не переживай, — лениво улыбается Флинн. — Если решу стать твоим одержимым фанатом, ты узнаешь первой.

¹ Рафаэль – самый вспыльчивый член команды Черепашек-ниндзя, тем самым Нейт намекает, что они с Позы в этом похожи.

Я закатываю глаза.

— Это шутка, Позы, — добавляет он. — После неё принято хотя бы улыбаться.

— Я пытаюсь понять, как ты выживаешь с таким ужасным чувством юмора.

— А ты – со своей любовью ко всему правильному.

— Прости?

Флинн облизывает губы и обнажает широкую улыбку, будто только и ждал, что его об этом спросят.

— Ты ведь сама знаешь. Всё должно идти по плану, да?

Он поднимает палец.

— Ты ненавидишь хаос.

Второй.

— Слишком строга к себе.

Третий.

— Боишься ошибаться.

Нейт слегка наклоняется ко мне.

— Вывод: классический комплекс отличницы.

Ногти больно впиваются в ладонь.

— Закончил?

— Почти.

— Тогда вот мой диагноз, — медленно говорю я. — Самовлюбленный идиот.

— Ауч. Звучит больно.

— Мне плевать.

— Верю.

Я направляюсь к выходу.

— Подумай над этим, кудряшка, — насмешливо летит мне вслед.

Я не оборачиваюсь. Выставляю средний палец и слышу, как Нейт смеется.

Глава 3. Синяки и пари

Нил ждет меня возле столика у стены, где кондиционер дует ровно так, чтобы не простудиться, но и не расплавиться. Он сидит, развалившись на пластиковом стуле, с видом героя, пережившего тяжелую ночь и заслужившего как минимум орден за выживание.

Первое, что бросается в глаза – синяк. Большой, темный, расплзшийся по половине лица, как неудачно наложенный фильтр.

Я останавливаюсь напротив, не садясь.

— Прежде чем ты начнешь вопить, — торопливо произносит Нил, примирительно подняв руки, — хочу сказать две вещи. Первая: я виноват. Вторая: я заказал тебе огромную порцию мороженого. С карамелью. И вафлями.

— Какого черта произошло с твоим лицом? — с недоумением протягиваю я.

— А, это, — Нил машет рукой так, будто речь идет о какой-то царапине. — Побочный эффект плохих решений.

— Ты подрался.

— Обсуждал ситуацию, — фыркает он. — Просто очень эмоционально.

Я усаживаюсь напротив. Скрещиваю руки на груди и смотрю на него так, как смотрела бы мать-одиночка на подростка, спалившего гараж.

— Почему не сказал? — сокрушаюсь я. — Мог бы просто написать смс.

Нил молчит. Темные волосы выглядят сальными, усталый, не выспавшийся вид совершенно непривычен глазу. Мелодия из колонок вызывает изжогу. Ненавижу Дуа Липу, но больше ненавижу себя за то, что все еще пытаюсь быть хорошей подругой, делая скидку Нилу каждый раз, когда он находит причину уйти в сторону и оставить меня одну разгребаться с проблемами.

— Мы ведь друзья, Нил, — тихо вздыхаю я. — Ты мог сказать.

— Знаю.

— Но не сказал.

— Ты бы не дала мне уволиться. Натворить дел – тем более. Начала бы спасать, а я и так чувствую себя дерьмово.

— Конечно начала бы!

Он красноречиво смотрит на меня в ответ.

Я поджимаю губы, сдаваясь.

— Неважно. Это все равно ничего уже не изменит.

— Говоришь об этом так, будто случилось что-то ужасное.

— Случилось. И угадай по чьей вине, — мрачно тяну я, теряя всякое терпение.

Злость от разговора с Нейтом никуда не улетучилась, наоборот, пока я мчалась на всех парах в кафе, она росла как раковая опухоль, пустившая метастазы в кости. Если я прямо сейчас не успокоюсь, боюсь, наговорю глупостей и окончательно рассорюсь с Нилом, а это не то, за чем я сюда приехала.

— Прости. — Я закусываю нижнюю губу. — С самого утра все идет через одно место. Все дело в моем новом напарнике.

— Если он серийный убийца, мне жаль.

— Хуже. Нейт Флинн.

Нил морщится.

— И правда ужасно.

Он не выглядит удивленным. Догадка приходит раньше моего удрученного вздоха.

— Ты знал? — голос становится тише. Нил виновато трет загривок. — Отлично. Ты знал и не сказал мне.

— Не было повода. Я — он опускает глаза и вздыхает. — Черт, Поз, я правда не думал, что так получится. Парни из команды обсуждали возвращение Нейта в чате. Они собирались отметить это событие в Ониксе. Алкоголь, жара, дрянной характер, в общем ты сама знаешь, что бывает с такими как Флинн. Это же очевидно. Я знал, что мистер Мэйсон решит его проучить, но не думал, что Питер определит его к тебе в напарники.

— Он запер меня в фургоне.

Нил замирает.

— Что?

— Запер. Забрал мои ключи. Посмеялся надо мной, а после ушел.

— Я убью его.

— Встань в очередь.

— Я серьезно, Поз.

— Я тоже, — холодно отвечаю я. — Вспомни, чем закончился выпускной. Давай обойдемся без тюремной камеры.

Нил откидывается на спинку стула. Выглядит наряженным, густые брови нахмурены, пальцы сжимают бедную ложку так сильно, что кажется, будто она вот-вот сломается пополам. В каждом его движении читается вина, стыд, он намеренно избегает моего взгляда, все время отводя собственный. Я не тороплю его с объяснением, однако интуиция подсказывает – дело наверняка в мистере Миллере.

После смерти жены отец Нила замкнулся в себе. Единственным его утешением стал алкоголь, папе не раз приходилось закрывать глаза на многие из проступков Кирка. Драки в баре, вождение в нетрезвом виде, стычки с собственным сыном. Весьма обширный список.

Каждый раз, когда Нил пропадает из моей жизни, я знаю – дело в его отце. Точнее, в том, что он в очередной раз сорвался. И я очень надеюсь, что ошибаюсь, потому что не хочу, чтобы жизнь моего друга снова превратилась в ад.

— Послушай, Поз, я не хотел тебя подставлять. Просто — Нил останавливается и замолкает, подбирая слова. — Я должен был уйти. Еще один день – и я бы точно все испортил. Не только для себя.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не хотел, чтобы это дошло до — он замолкает.

— До чего?

— До того, как я снова начну решать все кулаками.

Я изгибаю бровь.

— В каком смысле?

— В прямом, Поз. — Он коротко усмехается, но в глазах нет ничего веселого. — Я и так уже на грани.

Нил ненадолго замолкает. Кутит ложку в руках, не поднимая глаз. Не могу понять, что с ним происходит, но мне это не нравится.

— Я видел его там. В парке.

— Флинна?

Он кивает.

— И?

— И понял, что если еще раз столкнусь с ним в таком состоянии

Он наконец смотрит на меня.

— Я не остановлюсь.

Я слгатываю. Теперь это звучит куда резоннее, с потаенной угрозой по отношению к Нейту, нежели с желанием просто побесить меня. Возможно, я слишком поторопилась с выводами.

— Это из-за выпускного? — спрашиваю я.

— Не только.

— Тогда из-за чего?

Нил пожимает плечами.

— Скажем так я начинаю становиться похожим на человека, которым не хочу быть.

— погоди, — я щурюсь. — Причина обязательных работ Флинна – твоих рук дело?

Нил отправляет ложку с мороженым в рот, медля с ответом.

— Нет, не моих.

— Тогда откуда это? — я указываю на его синяк пальцем. — Подрался с дверью и дверь победила?

— Лилиан, — говорит он так, будто это объясняет все.

Я закатываю глаза.

— Ну конечно. А я уж подумала, что все серьезно. Стоило догадаться.

— Она вернулась

— Она всегда возвращается, — перебиваю я.

— Да, — криво усмехается Нил. — И я каждый раз делаю одну и ту же ошибку.

— Что на этот раз?

— Ничего такого, — продолжает он. — Она написала мне. Предложила встретиться. Сказала, что скучает.

— И ты, разумеется, решил, что это знак судьбы.

— Нет. Мне просто стало интересно, что будет в этот раз. Как видишь, её новый парень не оценил моего появления.

— Удивительно, — сухо замечаю я.

Хочется встать и уйти, но я остаюсь, потому что какой-то частью себя рада, что Кирк не трогал Нила.

Черт бы побрал Лилиан Купер. Почему так сложно оставить человека, который не сделал тебе ничего плохого, в покое? Ладно Стокгольмский синдром Нила, он любит её столько, сколько сам себя помнит, но она-то? Хренова абьюзерша!

Я молчу. Мороженое тает, карамель медленно сползает по краю креманки. Я все еще раздражена. Не только из-за новости про Лилиан, сегодняшний день в целом вышел каким-то неудачным. Сначала разбор полетов дома, потом сцена в прачечной, теперь Нил со своим разбитым лицом и сердцем.

Боже, просто дай мне сил.

— Я все равно поступил как мудака. — Нил ерошит волосы, опустив голову. — Можешь не прощать.

— Я не злюсь, — вздыхаю я. — Я устала.

Он морщится.

— Это не звучит как прощение.

— Потому что это не совсем оно.

Мы едим молча. Потом Нил осторожно спрашивает:

— И как он?

— Кто?

— Флинн.

Я поджимаю губы.

— Бесит.

— Это я уже понял.

— Нет, не понял, — я поднимаю на него взгляд. — Он делает вид, что ему все равно. И почему-то уверен, что имеет право копать у меня в голове.

— Узнаю его стиль, — кивает Нил. — Слушай, если хочешь, я могу поговорить с Питером. Попробовать вернуться.

— Нет, — слишком быстро отвечаю я. — Не надо.

Нил удивленно приподнимает брови.

— Ты уверена?

— Да. Я справлюсь.

И это правда. Я не хочу, чтобы Нил возвращался из-за чувства вины. И не хочу, чтобы Нейт знал, что я кого-то зову на подмогу. Это моя война.

— Ладно, — Нил одаривает меня мягкой улыбкой. — Тогда хотя бы обещай, что если он перейдет черту, ты скажешь.

— Он уже перешел.

— Тогда скажешь ещё раз.

Я фыркаю, но все-таки соглашаюсь.

Мы прощаемся у выхода. Солнце слепит, асфальт нагрелся так, что кажется, будто кеды вот-вот прилипнут. Вернувшись в уже опустевшую прачечную, обнаруживаю свои вещи в барабане сушилки. Чистые, сухие, пахнущие кондиционером, которого я даже не покупала. Слишком приятный запах. И – черт подери – успокаивающий.

Желтый стикер на стиралке дезориентирует еще больше.

Это не извинение. Но с этого можно начать. Лаванда – лучший выбор.

Я срываю его и еще минуту буравлю взглядом, прежде чем смять.

* * *

Наступает вторник.

С самого утра все идет наперекосяк. Будильник не срабатывает, душ приходится принимать на скорую руку, а мои любимые хлопья доедает кто-то из братьев, оставляя пустую коробку в шкафу.

Пока давлюсь сухим тостом, обнаруживаю, что дома никого нет. Обычно мама подвозит меня до работы перед тем, как закинуть мелких на тренировку, но учитывая, что я проспала, они не стали меня дожидаться. Гадство.

До парка я кое-как добираюсь на своем старом, слегка поржавевшем велике. Без настроения паркую тот на специализированной стоянке, смахиваю выступивший на лбу пот и угрюмо ступаю по уже нагретой мостовой, надеясь, что приключения на сегодня закончены. Не хочется к концу рабочего дня быть закованной в смирительную рубашку.

Фургон по-прежнему теснится на своем месте между палатками. Мимо снуют работники, аттракционы приходят в движение, в воздухе ошутимо пахнет сахарной ватой.

Первым делом проверяю карман. Ключи на месте. Отлично. Второй раз я на это не куплюсь.

Захожу внутрь. Вешаю сумку и, не теряя времени, принимаюсь за работу. Лотки, настройка аппарата, уборка. Одни и те же действия на протяжении трех недель моего пребывания в «Пасифик парк» похожи на ритуал, чтобы очистить голову от лишнего. В случае с моим напарником нужна не только трезвость мысли, но и сосредоточенность. Я не могу ударить лицом в грязь, когда он только этого и ждет.

Где-то в глубине души я надеюсь, что Нейт не придет. Что, быть может, Питер решил поменять нас сменами или вообще оставил меня одну справляться с потоком клиентов.

Однако Финн показывается ближе к открытию. По форме, в солнцезащитных очках, пахнущий лосьоном после бритья, сигаретами и каким-то кедровым гелем для душа.

Чертовски приятная смесь.

Раздражает даже больше, чем должно.

— Опаздываешь, — вместо приветствия говорю я.

— И тебе доброе утро, кудряшка. — Нейт обнажает довольную улыбку и стягивает с головы кепку. Рука ерошит светлые, непослушные волосы, наводя еще больший шухер. — К сведению: я не опоздал. Просто слегка задержался.

Я изгибаю бровь. Нейт пристраивается рядом. Исходящий от него запах становится ярче. Нос приятно покалывает, и это бесит еще сильнее, чем нарушение моих личных границ.

— Отодвинься. Ты слишком близко, — недовольно бурчу я.

— Так раздражать куда эффективнее.

— Работает.

— Спасибо, я профессионал.

Его плечо почти касается моего, вызывая острую необходимость отпрянуть в сторону.

Однако я упрямо остаюсь стоять на месте.

— Ну что? Лаванда закончилась, решил перейти на новую стратегию?

— Проверяю, что работает лучше, — невозмутимо отвечает он и приспускает очки. —

Ты когда-нибудь моргаешь?

— А ты когда-нибудь извиняешься нормально?

Он на секунду замирает.

— Я стараюсь.

— Плохо стараешься.

— Прогресс уже есть.

— Перескакивать с темы на тему?

— Мы разговариваем.

— Вот именно, — я перевожу взгляд на кассу. — Ты бездельничаешь, а я пытаюсь работать. Если для тебя хоть что-то имеет значение, сделай одолжение: либо помогай, либо срастись со стулом и не доставай.

— Да ты и правда не в настроении. Месячные?

— Аллергия на идиотов.

Флинн вздыхает так демонстративно, будто я только что лишила его наследства. Прошло только пять минут, а я уже ненавижу этот день, год и в принципе жизнь за то, что ближайшие десять часов нам придется провести вместе.

До кучи к этому смена тянется мучительно долго. Хотя я и работаю в привычном ритме: принять заказ, пробить, дать сдачу, обслужить следующего, до обеденного перерыва остается ровно час. Я устала, голодна и пытаюсь не показывать своего раздражения буквально на все, что Нейт делает.

К слову, очередь уже как минут десять не заканчивается. Жара усиливается и липнет к коже, как сироп. Нейт, на удивление, накладывает шарики и даже умудряется не напортачить со сложным заказом.

Быстро. Четко. Без привычного выпендрежа.

Это сбивает с толку.

— Два шоколадных, один без лактозы, и — девушка морщит лоб, — что у вас самое популярное?

— Манго.

— Фисташка, — одновременно со мной говорит Нейт.

Девушка переводит взгляд с меня на него.

— Вы издеваетесь?

— Нет, — отвечает Нейт.

— Да, — добавляю я.

Она нервно смеется.

— Ладно давайте манго.

— Отличный выбор, — с улыбкой протягиваю я и принимаюсь накладывать мороженое.

— Предсказуемый, — тихо бросает Нейт.

Я резко поворачиваюсь к нему.

— У тебя проблема с манго?

— У меня проблема с тем, как ты всегда уверена, что права.

— Потому что я права.

— Давай проверим, — спокойно говорит он.

Я прищуриваюсь.

— В смысле?

Нейт кивает в сторону очереди.

— Пари.

Я скрещиваю руки.

— Даже не начинай.

— Уже начал.

— Нейт.

— Пози.

Черт.

— И почему я должна согласиться? — изгибаю бровь.

Нейт пожимает плечами.

— Хм, наверное, потому что это весело?

— Нет.

— Ты даже не выслушала.

— Мне и не нужно, — отмахиваюсь я.

Он откидывается на прилавок, лениво наблюдая за очередью и поддегивает меня плечом.

— Соглашайся. Ты все равно ничего не теряешь.

Лукавая улыбка не сулит ничего хорошего. Да вся ситуация, в принципе, пахнет одной сплошной проблемой. Однако у меня нет причин отказываться. Ну, может одна – из вредности, ведь Нейт Флинн все еще неистово действует мне на нервы даже тем, что просто дышит.

Я устало вздыхаю и тянусь за вафельным рожком.

— Ладно. Объясняй свои идиотские правила.

Нейт наклоняется чуть ближе.

— Следующие десять клиентов. Ты предлагаешь свои вкусы, я – свои. Смотрим, кто угадает больше.

— Это глупо.

— Это весело.

— Пустая трата времени.

— Боишься проиграть?

Я сжимаю ложку.

— Я не проигрываю.

— Отлично, — кивает Нейт. — Тогда условия.

— Без условий.

— Условия, — невозмутимо повторяет он, пропустив мою реплику мимо ушей. — Проигравший выполняет желание победителя.

Я фыркаю.

— Звучит как худшая идея в мире.

— Скорее как шанс доказать, что ты лучше меня.

Хочется сказать, что мне не нужно ничего доказывать, но его вызов звучит слишком заманчиво, что проигнорировать или тем более отказаться.

Я уверена, что не проиграю. Только не Нейту Флинну.

— Ладно, — резко говорю я. — Но ничего тупого.

— Я никогда не делаю ничего тупого.

Я изгибаю бровь, не сдерживая усмешки.

— Ты запер меня в фургоне.

— Это было креативно.

— Хотел сказать идиотски?

— Ты все еще злишься, — чуть улыбается Флинн. — Значит, сработало.

Я закатываю глаза.

— Десять клиентов, — я протягиваю рожок клиенту, не переставая смотреть на Флинна из-за плеча. — И если ты проиграешь, будешь делать все, что я скажу до конца смены.

— Опасно, — он кивает и даже не пытается скрыть насмешливой ухмылки. — А если ты?

— Не дождёшься.

— Тогда я придумаю что-нибудь интересное.

— Не переусердствуй.

— Ничего не могу обещать.

К стойке тем временем подходит мальчик лет восьми с лицом, измазанным остатками сахарной ваты.

— Хочу что-нибудь крутое, — заявляет он.

По глазам Флинна становится ясно – игра началась.

— Манго, — уверенно протягиваю я.

— Двойной шоколад с маршмеллоу, — тут же говорит Нейт.

Мальчик задумывается.

— Шоколад!

Флинн смотрит на меня, и в его взгляде проскальзывает явное «Ты проиграешь».

— Один-ноль.

Я закусываю внутреннюю сторону щеки, чувствуя легкое раздражение.

— Это ребенок, — парирую я. — У них нет вкуса.

Пожилая женщина оказывается следующей.

— У вас есть что-нибудь не слишком сладкое?

— Фисташка.

— Лимон.

— Лимон, — кивает женщина.

— Два-ноль, — спокойно сообщает он.

— Ты жульничаешь.

— Как?

— Существованием.

Пара подростков при выборе чего-то странного между клубникой с базиликом и соленой карамелью с перцем, конечно же, выбирают второе.

В этот раз Нейт на меня даже не смотрит.

— Три-ноль.

Я сужаю глаза.

— Не спеши праздновать.

Но он только и делает, что улыбается. Потому что к восьмому счет становится шесть-два в пользу Нейта, и это всерьез начинает раздражать.

— Ты подстраиваешься, — шепчу я.

— Я наблюдаю, — отвечает он. — Попробуй тоже.

— Я и так наблюдаю.

— Нет, ты споришь.

Я замираю на секунду.

— Это разные вещи.

— Вот именно.

— Бесишь.

— Уже слышал.

К девятому клиенту я меняю тактику.

— Что вы обычно берете? — спрашиваю я женщину с ребенком.

— Клубнику.

— Тогда сегодня попробуйте манго, — говорю я.

Она улыбается.

— Ладно, давайте.

Я смотрю на Нейта.

— Шесть-три.

Он кивает.

— Уже лучше.

Десятый клиент парень лет двадцати просит удивить его чем-нибудь. Я делаю вдох и на выходе предлагаю ему фисташку с медом.

Нейт не перебивает. Смотрит на меня и говорит:

— То, что она сказала.

Я резко поворачиваюсь.

— Ты что делаешь?

— Помогаю тебе не проиграть всухую.

Парень кивает.

— Тогда давайте это.

Я медленно перевожу взгляд на Нейта.

— Это считается?

— Конечно, — говорит он. — Я выбрал тот же вариант.

— Ты слил игру.

— Я скорректировал результат.

— Это не одно и то же.

— Зато ты не выглядишь проигравшей.

— Я и не проигрываю.

Он усмехается.

— Конечно.

Очередь наконец рдеет.

Я опираюсь на стойку, выдыхая.

— Ты жульничал, — недовольно проговариваю я, стянув надоедливую кепку.

— Ты хотела сказать выигрывал, — поправляет Нейт.

— Ты сдался специально.

— Это называется милосердие.

— Ты странный.

Нейт пожимает плечами.

— Иногда полезно.

Я смотрю на него. Солнце мажет по его загорелому лицу, с которого потихоньку начинает сходить синева, очки съехали на переносицу, волосы все еще в беспорядке.

Флинн натягивает на губы улыбку – самую простую и добродушную, на которую вообще способен. И которую – я не вру – я вижу впервые.

Это, пожалуй, самая странная часть всего происходящего. Потому что, помимо того, что внутри у меня становится неожиданно легче, уголки моих собственных губ тянутся вверх.

Я тут же отворачиваюсь.

— Ого.

— Что?

— Ты только что улыбнулась.

— Неправда.

— Я видел.

— Тебе показалось.

— Тогда что это? Лицевая судорога?

Я толкаю его в плечо, невольно прыснув.

— Ну вот, снова. — Смеется он. — Поза Мэйсон улыбается. Исторический момент.

— Еще слово и я утоплю тебя в сиропе.

— Звучит довольно романтично.

— Заткнись.